

*Один час, один день, одна жизнь
человека в рассказах
А.И. Солженицына*

СТАТЬЯ Д. Н. МУРИНА

- 24 августа 1988 года в Ленинграде доцент ЛГУ Б. В. Аверин прочел первую публичную лекцию «Романы Солженицына». Ровно через год в восьмой книжке «Нового мира» С. П. Залыгин начал печатать «Архипелаг ГУЛАГ», визитную карточку писателя, полтора десятилетия назад изгнанного из родной страны.
- Литературный 1990 год начался одновременно публикацией всех «узлов» эпопеи «Красное колесо».
- Явление Солженицына современному читателю состоялось!
- Стало ясно, что не проводить уроков в школе о творчестве писателя — нельзя, молчать о нем — безнравственно. Но спор с самим собою возник: не одолеют ученики «Архипелага» — но кто-то и одолеет, да можно познакомить и с фрагментами; и почему сразу «ГУЛАГ»; кто Солженицын: художник, публицист, историк — да разве в этом дело; текстов нет — так ведь не впервой! Ведь перед нами писатель, который сказал нам правду о самих себе. Ведь «...Солженицын больше, чем какой-либо другой писатель отвечает на вопрос, кто мы, нынешние, через вопрос: что с нами происходит?»
- Определяя содержание и последовательность уроков, отметим три момента: знакомство с датами и главнейшими фактами жизненного пути писателя; его взгляды на литературу и искусство; чтение и анализ трех рассказов.
- А. И. Солженицын родился в 1918 году в зажиточной семье крестьянского % происхождения. Юность провел в Ростове-на-Дону, там окончил среднюю школу, а в 1941 году физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не получил, лишь последние два предвоенные года учился на заочном отделении филологического факультета Московского института философии и литературы. В 1941 году был призван в армию, в 1942 году окончил артиллерийское училище и с 1943 по 1945 год командовал на фронте артиллерийской батареей. В феврале 1945 года уже на территории Восточной Пруссии капитан Солженицын был арестован «из-за отслеженной в переписке критики Сталина и осужден на 8 лет».
- После отбытия их полностью был направлен в ссылку, от которой освобожден в 1953 году, а в 1957 году реабилитирован за отсутствием состава преступления.
- Излечившись от смертельной болезни (рак), писатель осознает это как «Божье чудо». «Вся возвращенная мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель». Солженицын становится человеком религиозным.
- В конце 50-х — начале 60-х годов публикуется несколько рассказов Солженицына, среди которых «Один день Ивана Денисовича», вслед за публикацией которого он принят в ССП.
- Письма, пришедшие от узников сталинских лагерей, позволяют ему взяться за громадный художественно-исторический труд «Архипелаг ГУЛАГ». После 1964 года произведения Солженицына появляются только в самиздате или в зарубежных изданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- В 1969 году Солженицына исключают из ССП, в 1970-м ему присуждается Нобелевская премия по литературе, а в 1974 году по выходе за рубежом первого тома «Архипелага» он был насильственно изгнан на Запад.
- Жил до 1976 года в Цюрихе, в настоящее время живет в штате Вермонт, США. Главный труд писателя — эпопея «Красное колесо», повествование о революции.
- «...десять лет назад, в преддверии своего 60-летия, Солженицын начал издавать собрание сочинений с подзаголовком: «Восстановлены подлинные доцензурные тексты, заново проверенные и исправленные автором. Иные произведения печатаются впервые».
- «...Александр Солженицын с его непоколебимым упорством нам нынче попросту необходим — мы должны его знать и слышать, а не слышать и не знать не имеем ни морального, ни умственного права.
- Пусть далеко не все, что высказано автором в «Архипелаге», мы разделяем... Но это и есть та долгожданная свобода — свобода печатного слова и свобода прочтения, без которой нет и не может быть деятельной, с несомненной пользой для дбщ^ства литературной жизни...».
- Познакомив учащихся с некоторыми фактами, определившими судьбу писателя, обратимся к его представлениям о предназначении искусства в жизни людей. Искусству, справедливо считает Солженицын, свойствен тайный внутренний свет, и весь его не дано ухватить человеку. Искусство иррационально и не исчерпывается мировоззрением. Солженицын полагает, что есть два типа художников. Один «мнит себя творцом независимого духовного мира и взваливает на свои плечи акт творения этого мира». Другой знает над собой силу высшую: не «им этот мир создан... художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям».
- Определяя свое понимание искусства, Солженицын размышляет над «загадочной» фразой Достоевского «Мир спасет красота». Вот основной ход его мысли. Человечество все более ощущает свое единство на земле. События мира мы знаем все, но в разных краях к мировым событиям, происходящим вчуже от нас, прикладываем нашу собственную мерку, шкалу оценок. По ней и судим о событии. Чужие мерки вместе с событиями «не передаются». Отсюда взаимное непонимание. Упрекать за него нельзя: так устроен человек. Он исходит из своего опыта жизни, из опыта своего социума, своей нации.
- «Для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью». Но этого не произойдет, ибо у человека есть искусство, литература. В них Солженицын видит «заменитель не пережитого нами (т. е. чужого.— Д. М.) опыта»; и, следовательно, возможность понимания его, понимания другого человека. Это один из принципов гуманизма.
- Однако Солженицын дает понять, что советскому искусству, чтобы соответствовать этой задаче, надо отказаться от «пещерного неприятия компромиссов». Я прокомментировал бы это так: нам надо укрепиться в мысли, высказанной в 1986 году в Москве на встрече гостей иссык-кульского форума, о непреложности общечеловеческих ценностей, их примате над категориями классовости. Тогда «мерки» нашего искусства, нашей литературы откроют нам понимание забот человечества.
- Как методически организовать работу учащихся над этим материалом?

ПРИМЕЧАНИЯ

Все цитаты, приведенные в биографии, как и основные факты, взяты из работы: Паламарчук П. Александр Солженицын: путеводитель // Москва.— 1989.— № 9.— С. 181 и далее.

Залыгин С. Новый мир.— 1989.— № 8.— С. 7.

Все цитаты, приведенные в биографии, как и основные факты, взяты из работы: Паламарчук П. Александр Солженицын: путеводитель // Москва.— 1989.— № 9.— С. 181 и далее.

Залыгин С. Новый мир.— 1989.— № 8.— С. 7.

Подробнее об этом см.: Солженицын А. Нобелевская лекция // Новый мир.— 1989.— № 7.— С. 135—144.

- Рекомендуем провести микролекцию с записью в тетрадях главнейших ее положений или реферативную работу учащихся с последующим выделением степени понимания изученного материала.
- Для первоначального знакомства с «материком» Солженицына предлагаются три рассказа: «Захар-Калита», «Матренин двор» и «Один день Ивана Денисовича».
- Написанные в начальный период творчества, они дают яркое представление о Солженицыне — художнике слова. Рассказы эти сводит воедино идея... Впрочем, это уже методика, способ подхода к ним. Итак, работа по выявлению первоначального восприятия всех трех рассказов — первый этап изучения их.
- 1. Какая мысль объединяет эти три рассказа, о чем они? 2. Какой из рассказов произвел на вас большее впечатление, почему? 3. К какому из двух типов художников отнесете вы Солженицына? Обоснуйте свой ответ, опираясь на прочитанные рассказы. 4. В чем вы видите «тайный внутренний свет» прочитанных рассказов? Для ответа на этот вопрос воспользуйтесь не только рассказами, но и статьей С. П. Залыгина «Год Солженицына».
- Подводя итоги обмену впечатлениями, учитель отметит удачную и кратко выраженную мысль С. П. Залыгина в названной статье: «Через событие познает он личность, а не событие через личность, как это делают многие писатели, скажем Пастернак в «Докторе Живаго».
- Далее учитель обратится к разбору, совместному прочтению рассказов писателя.

Рассказ «Захар-Калита» (1956)

- Жанр рассказа здесь понимается автором в доподлинном, «старинном» смысле. Зачем автор подчеркнул это вступительной фразой — обращением? Зачем понадобилась автору сказовая манера повествования?
- Наверное, затем, что речь идет о старине, об «истории». Предмет сам по себе требует отстранения, эпичности, несуетного отношения. Но вместе с тем в нашем отношении с историей есть «неслиянность»; время для нашего сознания — категория дискретная, и жанровая форма рассказа подчеркивает этот разрыв.
- Как готовит нас автор к встрече с героем и, так сказать, с «событием» рассказа?
- Неспешно перебираются глаголы: «давно целились», «подбираться вздумали нескладно», «пошли глухими проселками»... «Уже издали в безмолвном мареве «дикого воздуха» «привиделась нам как будто церковь, но странная, постройки невиданной, какая только в сказке может примерещиться, купола ее были как бы сквозные, прозрачные, и в струях жаркого августовского дня колебались и морочили — то ли есть они, то ли нет».
- В рассказе происходит не только движение по старой затравяневшей дороге, но с каждым шагом вперед — шаг назад, мысленный шаг в Историю: «Нам без помех думалось о тех русоволосых ратниках, о девяти из каждого пришедшего десятка, которые вот тут, на сажень под теперешним наносом, легли и докости растворились в земле, чтобы только Русь встряхнулась от басурманов».
- Почему русские войска стали на битву так, чтобы оградить себя рекою? Разбираясь в этом, отметим, что в момент написания рассказа, как и раньше,

ПРИМЕЧАНИЯ

См. журналы «Дружба народов» (1990. — № 1), «Огонек» (1989 — № 23, 24); «Новый мир» (1962. — № 11) или роман-газету (1963. — № 1).

Залыгин С. Год Солженицына // Новый мир. — 1990. — № 1 С. 236.

- как и позже, «горькой правды истории» мы не любили. Историческая правда Солженицина и тех немногих, кто на нее осмеливался, объявлялась клеветой, фальсификацией истории.
- Как вы поняли, почему в один из моментов повествования автор вместо третьего лица местоимения ставит первое? «И мы ложимся, как скошенный хлеб. И гибнем под копытами».
- Наконец, путники пришли. Пришли и слились с историей, с прошлым, с тем, что здесь было,— это-то внутреннее чувство и передано автором словом «мы». А внешне — подивились памятнику чугунного литья, разоренную церковь посмотрели... И вдруг люди... Только теперь появляется перед нами главный герой рассказа — Смотритель Куликова поля Захар-Калита. Перечитаем портретную характеристику, отметим выразительную контрастность художественных деталей: ражий мужик со звездочкой октябренка. Что этим хотел сказать автор, как раскрывается его душа за короткую встречу с путешественниками?
- Можно предложить учащимся такой путь анализа: сгруппировать художественные детали, поступки, интонации, характеризующие «ражего мужика», а затем «человека с октябрятской звездочкой»; сделать выводы из этого сопоставления.
- Два чувства противостоят в душе Захара-Калиты: желание быть полезным Отечеству, истории и полнейшая беспомощность. Последнее — не только от его натуры, но от бесправия Истории перед официальной Современностью. Захар — и богатырь, хранитель, и большой ребенок, бессознательно «играющий» рядом с Историей. Но это не его вина, а наша беда.
- Этот разрыв между историей и современностью художественно заявлен автором в ряде деталей. Поле для истории — Куликовское, а для современности — Куликово, местные жители так говорят. Эти названия вне сопряжения друг с другом. Был царь Иван по прозвищу Калита — а название рассказа и сумка Захара вызывают эту ассоциацию — и собирал Русские земли. Герой же Солженицына собирает пустые бутылки на историческом поле и... отзывы. Почему автор не позволил читателю заглянуть в эту примечательную книгу Захара? А может быть, стоит и нам сделать туда запись?
- Завершим беседу о рассказе творческой работой или внеурочным заданием: сделать запись в книге отзывов Захара-Калиты, включив в нее как бы ненароком свое представление об образе и характере героя.

Рассказ «Матренин двор» (1959, 1963)⁷

- Вслед за «Районными буднями» В. Овечкина (1952), статьей Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и первой книгой его тетралогии «Братья и сестры» (1958) «Матренин двор» находится у истоков русской деревенской прозы второй половины XX века.
- Как сообщает публикатор, год действия в рассказе заменен с 1956 на 1953, а по настоянию А. Т. Твардовского заменено и авторское название рассказа «Не стоит село без праведника». Учитель объяснит, что и тот и другой факты — штрихи борьбы за существование литературы истинной, которую она вела в ту пору с идеологическими ортодоксами.
- Как и в рассказе «Захар-Калита» — здесь неспешное развертывание сюжета. Не случайно в затянутой экспозиции сталкиваются автором два географических названия: Высокое Поле — «От одного названия веселела душа» — и станция Торфопроduct — «Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое».
- В поисках местожительства рассказчик, не прельщенный Торфопроductом (действительно: я живу на (или «в»?) Торфопроductе!!), поселяется в деревне Тальново у Матрены, одинокой шестидесятилетней женщины. О ней-то и рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Первая дата — написания рассказа, вторая — его публикации.

- Он соткан из мелких подробностей, слагающих жизнь героини. Вспомним, найдем их в рассказе. Это и колченогая кошка, и криворогая коза, и добыча (а может быть, надо сказать: воровство?) торфа, и запасание сена; это и болезни пожилой женщины, и исчезнувший котелок на водосвятии, и пальто из железнодорожной шинели (ох, уж эта русская шинель!).
- Матрена прочно вписана в быт, в немудрящий мир вещей, ее окружающих, в повседневность. Рассказчик признается: он не подозревал, что в ее прошлом были какие-то события, нечто иное. Можно пересказать эпизод, рисующий ее прошлую жизнь, ее судьбу, определенную в конце концов сначала одной, а потом другой войной XX века в России.
- Что же было значительного в этой жизни? Назовите эти события, оцените их. Человеческая жизнь складывается не только из того, что в ней было, но и из того, чего не было. Чего же не было у Матрены? А не было денег за работу, а только палочки-трудодни, не было неворованного торфа для тепла в доме, не было пенсии, не было детей, не было после войны и мужа.
- Почему все так? Когда и что определило ее судьбу?
- Наверное, поворотным в ее жизни становится тот момент, когда, не дождавшись с германской войны Фаддея, она выходит за его брата Ефима. Но почему выходит? «Мать у них умерла... Рук у них не хватало». В этом поступке — ключ к характеру Матрены. Вся она — не для себя, а для людей. И с Кирой так, и с домом, с горницей. По человеческому закону — все так, а по Божескому? Осудить или оправдать вы склонны Матрену в этой ситуации?
- Совершенное бескорыстие, согласие с судьбой, гармония с миром, даже если он жесток или равнодушен по отношению к ней; природная неспособность попенять на судьбу, на людей, на время, на власть; незлобность и доступность людям — это все и есть характер праведника, как его понимает Солженицын, русский характер. Чтобы оттенить черты этого характера, автор изображает немногочисленных ее родственников, деверя Фаддея, его сыновей и зятьев. Каковы же они? Какие представления о русском народном характере заявлены в рассказе?
- В кульминации рассказа Матренин двор, двор бескорыстия, праведности, разрушается, и в рассказе это обретает символический смысл. Избяная, деревянная Россия сталкивается с железным XX веком, с железной хваткой корысти, и рассыпается она по бревнышку. А каким предстал для вас в этой истории Фаддей? Не правда ли: от любви до ненависти один шаг?
- Мне кажется, что рассказ «Матренин двор» своеобразно связывает некоторые мотивы предшествующей литературы — мотивы, возникающие у Гоголя, Толстого, Есенина, с последующими, с теми, которые будут у Абрамова, Распутина, Астафьева, Белова.

Рассказ «Один день Ивана Денисовича» (1962)

- Беседу об этом рассказе интересно начать с истории его публикации и той роли, которую он сыграл в судьбе автора. Материал для этого учитель найдет в названных работах П. Паламарчука и С. Залыгина. После вступительного слова обратимся к содержанию рассказа.
- Определяя общую тональность повествования, найдите эпитет к слову «день», вынесенному в название рассказа.
- «Почти счастливый день...» — думает об этом дне Иван Денисович Шухов в конце прожитого им дня. Литературой дан еще один ответ на «вечный» вопрос о счастье. Перечитаем или перескажем эти счастливые события жизни героя в этот день. Их много, напомним некоторые: замешкался на

- подъеме — в карцер не посадили; бригаду не выгнали в чистое поле на мороз от самих себя проволоку натягивать; в обед удалось «закосить» кашу; бригадир хорошо закрыл процентовку, следовательно, следующие пять дней будут «сытыми» бригадники; нашел кусок ножовки, забыл про нее, но на «шмоне» не попался; подработал вечером на Цезаря, потом табачку купил. И не заболел, перемога. Счастливей день простого советского зека Шухова И. Д.
- Если вы читали другие произведения о сталинских лагерях, например «Черные камни» А. Жигулина, «Кольмские рассказы» В. Шаламова, то сравните их с рассказом Солженицына. Какое впечатление он произвел на вас? Чем отличается от других произведений на эту тему?
- Даже зная теперь, что рассказ был изначально «более острый политически», что автор его для «Нового мира» 1962 года «перепечатал облегченно», он оставляет впечатление едва ли неблагоприятия жизни за колючей проволокой. Нет, там конвоиры, готовые убить, мороз, готовый убить, голод, готовый убить. Но есть, я бы сказал, законность беззакония, есть порядок, если лагерный режим так можно назвать. Солженицын не рисует здесь ужасов, озлобленности, не рисует судеб людей, поставленных на карту случайности, на игральную карту блатарей. В рассказе есть даже ситуации — возвращение колонны с объекта,— когда зеки и конвоиры как бы заодно. Короче: читатель не устрашается судьбой героя, да и тех, кто рядом с ним. Почему автор показал нам «счастливей» лагерный день? Думается, потому, что главная цель автора — показать, как и в ранее рассмотренных рассказах, русский народный характер в различных обстоятельствах, увы, несправедливой нашей жизни. «Лагерь глазами мужика...» — сказал Л. Копелев, передавая рукопись рассказа Твардовскому. Да, глазами Шухова, потому что глазами Буйновского, Цезаря или Тюрина он, лагерь, был бы другим. Но прав и С. Залыгин: через событие — личность.
- Лагерь и есть такое «событие». Его можно рассмотреть в подготовленном к уроку индивидуальном задании: «Лагерь. Его устройство, его режим, его предназначение». И как бы этот художественный материал ни рассматривался, ясно, что и за колючей проволокой течет жизнь. Невольно вспоминаются слова другого Ивана, Ивана Африкановича Дрынов а из по вести В. Белова «Привычное дело»: «Жись. Везде жись...»
- Что же спасает человека в этой бесчеловечной жизни? Как и всегда, причастность к сообществу людей. Здесь это бригада, аналог семьи в вольной жизни. Отец — бригадир. На чем держится авторитет бригадира? На справедливости, на человечности и на еде. «Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожег.
- Бригадир в лагере — это все: хороший бригадир тебе жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит... везде его (зек.— Д. М.) бригадир застоит, грудь стальная у бригадира. Зато шевельнет бровью или пальцем покажет — беги, делай».
- И еще — труд. Перечитаем эпизод кладки стены на объекте. Какое он производит впечатление? Здесь с Солженицыным категорически не согласен другой энциклопедист лагерной жизни — В. Шаламов, который утверждает: « В лагере убивает работа — поэтому всякий, кто хвалит лагерный труд,— подлец или дурак» (рассказ «Любовь капитана Толли»). Сильные слова! Но можно ли их отнести к Солженицыну? «Попробуйте объяснить это противоречие»,— обратится учитель к учащимся.
- Далее представляется уместным реализовать еще одно индивидуальное задание: «Социальная иерархия лагерной жизни. Ее законы».
- Работяги и прицуоки, шакалы и доходяги, шестерки и блатары — все они в яве или втайне исповедуют один лагерный закон: «Подохни ты сегодня — я завтра». Это общее «руководство жизнью» ставит человека по ту сторону добра и зла. Не допустить себя до этого, если ты хочешь называть себя человеком,— вот задача. Именно такого человека и рисует Солженицын в рассказе. И так, герой. Кто он, как попал в лагерь? Что за фигура перед нами, какое он вызывает впечатление?
- Иван Денисович Шухов прежде всего крестьянин, тот самый русский мужик, о судьбе которого так много пела и плакала русская литература и XIX, и XX века. Ему свойственна рассудительная обстоятельность в делах и мыслях, он несуетен, въедлив в мелочи жизни, знает, что именно из них жизнь и состоит. Его характер открывается в целой череде небольших эпизодов: в санчасти присел на краешек стула; в отличие от Фетюкова, стоит как бы безучастно рядом с курящим Цезарем, дожидаясь окурка; ловок и даже охочлив в работе на кладке стены; услужлив и расторопен в отношении к Цезарю; самостоятелен и расчетлив, цепок и предусмотрителен и т. д.

- Что же получается? Деликатный, услужливый, незлобивый, даже застенчивый Иван Денисович попадает в герои. Даже рассказ о нем часто передается в форме несобственно прямой речи, что тоже не добавляет нашему впечатлению о Шухове активного и волевого начала.
- Солженицын постоянно подчеркивает — с умыслом ли, нет ли — , патриархальность своего героя. Довоенное колхозное время, война как бы и не наложили на него своего исторического отпечатка. Я полагаю, что мы долгие годы преувеличивали влияние бытия, которое определяет сознание, на быт, на формирование характера человека. Влияние «исторических свершений» не абсолютно, и изначальное, народное, нравственное, традиционное начала в душе и сознании человека сильнее всего другого. Крестьянское — сильнее колхозного.
- Но почему такой человек попадает в герои? Дело в том, что мы привыкли в человеке уважать не его самого, а то место, которое он занимает в жизни, уважать в нем ту пользу обществу, которую он приносит. В начале 60-х годов, когда был написан рассказ, это едва ли не аксиоматично. Солженицын показал нам своего Ивана Денисовича в другой координате ценностей, где точкой отсчета является сам человек. Высшее его предназначение в жизни — пронести душу свою чистой. Именно таков Шухов.
- Не случаен, думается, и тот факт, что в рассказе как бы обходится вопрос о взаимоотношениях Ивана Денисовича с советской властью. Едва ли не единственный раз вскользь брошенная фраза, косвенно об этом напоминающая: с усмешкой заметит Иван Денисович, что, по мнению начальства, по документам ОСО едва ли не по пять шпионов числится в каждой бригаде. 58-я статья всех уравнила: и капитана II ранга Буйновского, и московского киношника Цезаря Марковича, и баптиста Алешку, и русского мужика Шухова. Как и миллионы других — уже в реальной жизни.
- Чем же держится лагерная жизнь? Чем вообще держится человек в жизни?
- Здесь нет привычных якорей устойчивости: дети, семья, любимое дело, любовь — для одних; ордена и почести, права и власть — для других. Здесь порция горячей баланды приближает к воле, а непопадание в карцер мнится свободой.
- Человек живет, и до последнего вздоха его сопровождает Вера в конечную справедливость, Надежда на ее воплощение, необъяснимая Любовь к самой жизни. «Сейчас ни на что Шухов не в обиде: ни что срок долгий, ни что воскресенья опять не будет. Сейчас он думает: переживем! Переживем все, Бог даст — кончится!»
- Вот этот «тайный внутренний свет» всепобеждающей жизни и является пафосом не только этого рассказа, но и всей Судьбы Писателя.

Источник

- **Статья из журнала «Литература в школе» 1990
№ 5**